

ВВЕДЕНСКИЙ Д. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВВЕДЕНСКИЙ Дмитрий Иванович, родился в 1887 в селе Дмитриевское Баковского уезда. Получил высшее образование, экономист, позднее — профессор. Женат на Марии Мамонтовне Введенской. В ночь с 14 на 15 мая 1928 — арестован в Сергиев Посаде. 22 июня 1928 — приговорен к ограничению проживания на 3 года (-1). Поселился в Нижнем Новгороде, временно работал экономистом ярмарочного комитета. В конце октября 1928 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой¹.

<25 октября 1928>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

пред отъездом из Москвы мне был объявлен приговор о том, что я лишен был права въезда в одну Моск<овскую> губ<ернию>. Но при моих явках в Нижегородское ГПУ уполномоченный по делам административно-высланных сначала указывал на то, что мое дело еще не поступало в Н<ижний> Новгород. И когда мой коллега П. А. Флоренский получил радостную весть об освобождении, мне была выдана справка из ГПУ, что я имею —б; хотя в этой бумажке-справке и ничего не говорится о прикреплении моем, тем не менее уполномоченный указывал мне на невозможность моего выезда даже для дневной прогулки за территорию Н<ижнего> Новгорода. И только 10-го окт<ября> уполномоченный сообщил мне о том, что я могу не являться для регистрации в ГПУ, хотя на мой вопрос относительно изменения моего приговора ответил мне снова, что пока я имею —б, хотя на этот раз добавил, что я могу выезжать в окрестности Н<ижнего> Новгорода.

Не могу умолчать о той минутной личной радости, когда я в отсутствии отбывшего уже в Москву П. А. Флоренского получил Вашу телеграмму, возвещавшую об освобождении. Не посмотрев на адрес жившего со мной в одной комнате П. А. Флоренского, я думал сначала, что и я являюсь участником общей радости. Но я тотчас же убедился, что содержимое телеграммы касалось меня лишь постольку, поскольку я могу радоваться радости другого.

А пока я при туберкулезе легких и преклонном возрасте получил сведение, что я исключен из профсоюза, хотя и состоял в нем с 1918 г<ода> и был, как научный работник, напечатавший уже после революции ряд работ по экономике, членом ЦЕКУБУ². И это сделано чрез полгода после того, как секретарь Сергиевского г<ор>кома — т<оварищ> Бобров, на смену которого явился новый секретарь, заявил мне, что меня ценят как экономиста и не оставят без внимания в том районе, изучению которого я отдал здоровье. Мало того, еще до приговора, тотчас же после моего ареста, меня лишили зарплаты; хотя приговор состоялся 22 июня, я с 16-го мая, т<о> е<сть> на другой день после ареста, был отчислен от службы, чем был поставлен в тяжелое положение, так как не имел никакой ценной собственности, — и жена должна была распродать мебель и даже книги.

Между прочим, мне ставилось в вину, что я писал по делу Бейлиса погромную брошюру. Но я никогда по делу Бейлиса ничего не писал и старался разыскать таковую, но не мог найти, — и недавно один из случайных собеседников сообщил мне, что такую брошюру писал какой-то Александр Введенский, с которым я ничего общего не имею и которого ни разу не видал в жизни, хотя и слышал, что он выступает на религиозных

¹ В письме исправлены некоторые ошибки согласно правилам современной орфографии.

² ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркомом РСФСР.

диспутах. Писал ли он когда такую брош<юру>. не могу уверять, но меня лично дело Бейлиса никогда не интересовало.

Между прочим, в местной Сергиевской печати ставилось мне в вину, что у меня отец получает пенсию. И когда я напечатал, что мой отец умер уже 25 лет назад, в печати (местной) снова было поставлено мне в вину то, что брат мой служил в тюремном ведомстве. Но мой брат, с которым я почти никогда не вижусь и за которого я должен был, по-видимому, нести вину, остался вне всяких обвинений.

Я получил при Вашем содействии справку, что я имею –1, но я не решился использовать ее (справка от 19/IX) в смысле ссылки на нее в Нижегородском ГПУ, чтобы не предвосхищать событий.

Временно меня пригласили на 3 месяца экономистом Нижегородского ярмарочного Комитета, где я скоро закончу свою службу.

Если бы я имел радостную весть об освобождении меня, то, конечно, я не вернулся бы теперь для службы в Сергиев, но я при своей физической немощи все же видел бы, что для меня снова открыта свобода и возможность научно работать в области экономики. И я уверен, что Советская власть, в отношении которой за 10 лет революции я не совершил ни одного преступления, может обратить внимание на человека, отдавшего силы и здоровье делу изучения народно-хозяйственной жизни.

Не решаясь утомлять Вас подробным изложением мелочей моего дела, я прошу Вас не оставить меня своим вниманием.

В частности, мне хотелось-бы иметь подтверждение, что я пока имею –1. Просил бы я узнать, лишаюсь ли я права оставаться членом профсоюза и получить зарплату за время, по крайней мере, до приговора, т<о> е<сть> с 16 мая по 22 июня. Мое здоровье заставляет меня с тревогою встречать надвигающуюся зиму — тем более, что я приютился пока в сырой комнатке.

Я знаю, что Вы должны уделять внимание и другим просителям, находящимся, быть может, в худших условиях. Но Вы извините меня за мое письмо, так как скорбь каждого ранит прежде всего самого скорбящего.

Примите мое глубокое уважение
профессор Д. Введенский.

Н<ижний> Новгород.
Угол Мартыновской и Жуковского,
д<ом> 8, кв<артира> Исаева.
Проф<ессор> Д. И. Введенский»³.

В январе 1929 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщал Марии Мамонтовне Введенской, жене Дмитрия Ивановича Введенского.

<15 января 1929>

«Введенской Марии Мамонтовне.

В<аш> муж Введенский Дмитрий Иванович не может проживать только в Москве и губ<ернии> сроком на 3 г<ода>, о чем известят Н<ижне>-Новгородское ГПУ»⁴.

Дмитрий Иванович Введенский остался в Нижнем Новгороде, работал в Ассоциации производительных сил при Нижкрайплане; занимался научной работой по кустарной промышленности

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 252. С.120-121. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 252. С. 123. Машинопись.

Нижегородского края, подготовил к изданию две работы, вскоре опубликованные, позднее была напечатана и третья работа. В июне 1929 — вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<17 июня 1929>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

в ответ на одно из моих обращений к Вам в октябре 1928 г<ода> по Вашему распоряжению было сообщено мне, что я имею по приговору минус Московская губерния, а не минус 6, как это было сообщено мне в Нижегородском ОГПУ — по месту моего настоящего местожительства. И, действительно, я получил после новую справку, что я имею минус Московская губ<ерния>.

Вместе с этим извещением от 26/Х-28 г<ода> за № 13245 мне указано было на то, что я могу подать ОГПУ заявление с просьбой о снятии с меня наказания с обещанием переслать его по назначению и о результатах сообщить мне. Но я не решался беспокоить Вас просьбой о ходатайстве, исходя из тех соображений, что моя просьба была бы слишком поспешной и поэтому, быть может, преждевременной. Но 22-го июня исполнится год со дня приговора, — и это дает мне основание подумать о подаче соответствующего заявления, — тем более что, при наличии туберкулеза и при некоторых ограничениях для административно высланного в квартирном вопросе, я не без ощутительных лишений живу в полуподвальном помещении.

Правда, я нахожу удовлетворение в заканчиваемой мной и подготовляемой мною к печати научной разработке вопроса о деревообделочных промыслах и экспортных возможностях Нижегородской губ<ернии>, но и эта работа постоянно напоминает мне, что я административно высланный, так как я при каждом выезде в кустарное гнездо должен ставить в известность ОГПУ и поэтому избегать излишних выездов.

Не говорю уже о том, что я имею детей, на которых ложится тень отца, хотя бы и имеющего малое наказание, но все же наказанного.

Скажу откровенно, что меня не влечет уже Сергиев, откуда я был изъят, — и в него бы я, может быть, и поехал на несколько дней — разве только для ликвидации своей библиотеки. Я привыкаю к Нижнему и нахожу здесь интересный материал для научной работы, которой отдавал весь свой досуг во всю свою жизнь и которой хочется отдать остаток дней своих (мне уже 57 лет), как человеку, всегда чуждавшемуся агитационной деятельности и тем более на религиозной почве, в чем я был обвиняем.

Но прежде, чем решиться на подачу соответствующего заявления в ОГПУ, — что, конечно, никому не возбраняется, — я решаюсь беспокоить Вас просьбой о совете: находите ли Вы благовременным и целесообразным возбуждение моего ходатайства.

За время пребывания в Нижнем я напечатал статьи в сборнике Нижегородского ярмарочного Комитета; скоро выйдет из печати в Госиздате моя книжка "Начинающий переплетчик", в которой я делюсь опытом своих юношеских лет. Осенью, надеюсь, будет напечатана большая работа по промыслам и экспорту. Быть может в этом будет лучшее доказательство того, что я, как и ранее, — работаю не за страх, а за совесть, наряду со всеми трудящимися СССР, — и тогда лучше просить о снятии с меня наказания, которое, кстати сказать, было так скоро снято с ненадолго высланного в Нижний по общему делу проф<ессора> Флоренского.

Я знаю, что в подавляющей массе очередных дел мое маленькое дело не может претендовать на Ваше внимание. Но я обращаюсь к Вашей

снисходительности, благодаря которой Вы, многоуважаемая Екатерина Павловна, не оставляли безответными мои обращения к Вам.

С глубоким уважением и благодарностью за внимание
профессор Д. Введенский.

Н<ижний> Новгород. Угол Мартыновской и Жуковского д<ом> 8,
кв<артира> 3 Дмитрию Ивановичу Введенскому.

1929 г<ода> 17/VI»⁵.

Осенью 1930 — Дмитрий Иванович Введенский был приговорен к 3 годам ссылки и, по указанию местного ГПУ, до 15 января 1931 — должен был выехать в Вятку Нижегородской области⁶, поэтому вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<16 января 1931>

«Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна

Два с половиной года я не решался беспокоить Вас. Теперь, когда предвидится окончание срока моего пребывания в Н<ижнем> Новгороде — в месте, добровольно избранном мною для отбывания срока высылки, я снова должен пережить большое лишение.

Я, нижеподписавшийся, профессор Введенский Дмитрий Иванович, 15-го мая 1928 г<ода> был изъят органами ОГПУ из бывшего гор<ода> Сергиева, теперь Загорска. По приговору Коллегии от 8/22 июня я должен был выехать за пределы Москвы и губернии, т<о> е<сть> получил —1. Два с половиной года я жил в Нижнем и работал сначала в должности экономиста Ярмарочного Комитета. С ликвидацией Ярмарки, я непрерывно был занят работой по заданию Ассоциации производительных сил при Нижрайплане. Одна моя большая работа, научного характера, в 20 печатн<ых> листов выходит из печати. Две крупные работы подготовлены к печати, при чем одна последняя, по договору, должна быть окончена к маю, т<о> е<сть> к окончанию моего трехлетнего пребывания в Нижнем.

И вот теперь, с разгрузкой краевых центров, мне предложено выехать из Нижнего и прилегающих к нему городов на окраины Нижегородского края со включением Вятки. Дан 3-х дневный срок для ликвидации дел, Выезд за пределы Нижегородского края, как мне сообщили, может быть разрешен по особому заявлению в центр. Если мое личное ходатайство об отмене этого решения не будет удовлетворено, — на что я имею очень малую надежду, — то я просил бы Вас, как председателницу К<расного> К<реста>, похотатайствовать в центре о предоставлении мне права дожить до срока в Нижнем, где я отдался научной работе, располагая местными книгохранилищами. Возможно, что это будет запоздалое ходатайство, — и я буду уже в Вятке, но у меня будет сохранено моральное право возвратиться в плохой, но обжитой мною угол.

У меня докторское удостоверение, что астма ежеминутно угрожает мне смертью. Моя домашняя комнатная работа освобождала меня от служебных тревог. Со мной была жена — я имел угол. Конечно, я должен буду подчиниться решению и в холодную зимнюю погоду направиться в неведомый мне город, думаю в Вятку. Однако, я просил бы Вас уделить внимание моей просьбе среди тысяч просьб, направляемых к Вам:

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 366. С. 168-169. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1709. С. 8-9.

1) ходатайствовать о праве возврата меня в Нижний Новгород, где я отбывал свое наказание и где я постараюсь сохранить угол для своей, остающейся в этом углу, слабой жены.

2) сообщить мне, могу ли я ходатайствовать об освобождении меня от наказания, считая срок в 3 года со дня моего изъятия из Сергиева, т<о> е<сть> с 15-го мая 1928 г<ода>. Или же срок моего отбывания начинается днем последнего приговора — то есть 22 июня? Ответ по содержанию последней просьбы будет для меня светлым проблеском, который будет согревать мое сердце надеждой, что я свободным гражданином буду делать до конца своих дней то дело, которому я за время послереволюционного периода отдал весь свой досуг. Это дело научной обработки материалов по кустарным промыслам, Нижегородского края в частности. Мой выезд из Нижнего предназначен 15-го января и приостановить его может только срочное ходатайство.

Хотя я работал для местной научной организации, однако не могу найти ходатаев за меня, так как брал обыкновенно официальные задания, которые сдавал в срок в официальном порядке.

Но я боюсь, что в Вятке я не найду долго дела и надорву свои слабые силы. Не говорю уже о том, что я в Нижнем имел заработок, а там его долго не будет и я, буквально все распродав до последнего пальто, могу оказаться в тяжелом положении, возложив заботу о матери, т<о> е<сть> моей жене на детей, имеющих свои семьи.

Адрес для извещения меня пока Нижегородский, откуда жена известит меня: Н<ижний> Новгород. Угол Мартыновской и Жуковской, д<ом> 8, кв<артира> 3. Марии Мамонтовне Введенской.

Проф<ессор> Д. Введенский.

1931 г<од>, 12 февр<аля>.

P. S. При сем прилагается заявление в Коллегию ОГПУ, хотя, полагаю, что оно может Вам не понадобится, да, может быть, оно и составлено неумело.

С глубоким уважением
проф<ессор> Д. Введенский»⁷.

Благодаря вмешательству Е. П. Пешковой, Дмитрий Иванович Введенский был оставлен в Нижнем Новгороде.

<7 февраля 1931>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

В январе я обращался к Вам с просьбой ходатайствовать в ОГПУ об оставлении меня в Н<ижнем> Новгороде, где я поселился в 1928 <году> и откуда мне было предложено выехать. В Вашем извещении за № 9103 от 27/1 - 1931 г<ода> Вы поручили сообщить мне, что моя просьба передана в ОГПУ. Между тем я посылал Вам от 14 января спешной почтой письмо за № — по квитанции — 328, что предпринятое мною ходатайство дало благоприятный результат. Такое же письмо я просил передать Вам 18 января.

Благодарю за Ваше доброе содействие. Но меня смущает мысль: не испортило бы мое ходатайство чрез Москву благоприятно сложившихся пока для меня обстоятельств, почему я дополнительно и прошу Вас не утруждать себя ходатайством за меня. К сожалению, мои письма — и

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 649. С. 228-229. Автограф.

спешной почтой и дополнительное письмо через дочь, не поступили, по-видимому, к Вам.

Простите мое беспокойство, но Вы поймете настроение человека усталого и полубольного.

С глубоким уважением
проф<ессор> Д. И. Введенский.

Н<ижний> Новгород.

Угол Мартыновской и Жуковской, д<ом> 8 кв. 3»⁸.

В 1933 — Дмитрий Иванович Введенский был выслан в Ветлугу; преподавал педагогику в Ветлужском педагогическом училище, был также заведующим учебной частью. 21 марта 1938 — арестован там по групповому делу, приговорен к 1 году 6 месяцам заключения. 20 ноября 1939 — освобожден, дело прекращено⁹.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 649. С. 241. Автограф.

⁹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.